
the importance of values, the opportunities for designing of compensatory transactions and the supply and demand of economic knowledge, assessments of the prospects of functionalism and fundamentalisms are presented as a guide to action in the field of discussion and political decision-making. The comparative advantages of functionalism and fundamentalisms in the intellectual traditions of discussing the role of the state in the economy are shown.

Keywords: externalities, coasianism, pigouvianism, regulatory fundamentalism, liberal fundamentalism, Austrian economics, functionalism.

Classification JEL: D62, E14, H23.

Manuscript received 27.04.2021

ПОСТИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В XXI В.: РАСШИРЯЮЩИЙСЯ, ЭКСПЕРИМЕНТИРУЮЩИЙ, ФИЛОСОФСТВУЮЩИЙ¹

Д.П. Фролов

DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-57-68

Постинституционализм – перспективное направление изучения институтов, развивающее методологические идеи критического институционализма с целью построения расширенного институционального подхода (термин Дж. Ходжсона). Миссия постинституционализма – разработка междисциплинарных сложностно-центричных методологий анализа институтов, позволяющих развивать институциональные исследования за рамками как новой, так и оригинальной институциональной теории. В статье кратко излагаются логика создания и истоки постинституциональной экономической теории, приводятся ее методологические особенности, философские основания и ориентиры исследовательской программы. Постинституционалисты исходят из того, что методологический инструментарий как новой институциональной экономики, так и традиционного («старого») институционализма неадекватен для понимания и объяснения качественно усложнившихся институтов позднего капитализма. Такие институты внутренне неоднородны, высокоизменчивы, сочетают разные координирующие принципы (логики), их функции и границы с трудом поддаются идентификации. В фокусе особого внимания постинституциональной экономики находятся ассамбляжи – институциональные системы, объединяющие гетерогенные институты с несводимыми логиками.

© Фролов Д.П., 2021 г.

Фролов Даниил Петрович, д.э.н., профессор, профессор кафедры экономики и предпринимательства, Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия; ecodev@mail.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00271.

Институциональные ассамбляжи обладают высокой адаптивной эффективностью и при этом функционально избыточны и конфликтогенны. В качестве основного типа институциональных изменений в постинституционализме рассматривается бриколаж – рекомбинаторное создание институтов множеством акторов из имеющихся в доступе элементов для решения текущих институциональных проблем. Субъектами институциональных изменений выступают не только институциональные предприниматели, но и институциональные «рабочие», т.е. рядовые акторы в их повседневной рутинной деятельности. Главной функцией институтов в постинституционализме считается не минимизация транзакционных издержек, а создание транзакционной ценности.

Ключевые слова: институты, институциональные изменения, акторы, эволюция, институциональная сложность, междисциплинарность, институционализм, институциональный бриколаж², институциональные ассамбляжи, постинституционализм.

Классификация JEL: A12, B41, B52.

Если мир сложен и неупорядочен, то, по меньшей мере, на какое-то время нам придется отказаться от упрощений.

Дж. Ло

ВВЕДЕНИЕ

Институционализм возник как радикальная теоретическая альтернатива неоклассической экономике. Лидеры раннего институционализма (Т. Веблен, У. Гамильтон, У. Митчелл, Дж. Коммонс и др.) вели мощную и многостороннюю критику доминирующего направления (мейнстрима) своего времени.

² *Бриколаж* – термин, использующийся в различных дисциплинах и означающий создание объектов из подручных материалов без продуманного плана для получения удовлетворительного и чаще всего не окончательного результата.

Они отвергали гедонистическую и избыточно рационалистическую модель человека, критиковали статичность и таксономичность метода ортодоксальной экономики. Критике подвергались функционализм, «естественность» и телеологичность неоклассического понимания институтов. Критические удары наносились по равновесным моделям, формальным методам и отсутствию междисциплинарности. В целом институционализм позиционировался в качестве экономической науки будущего. Возникшая в 1970-е гг. новая институциональная экономика (*new institutional economics*, NIE) также строилась на жесткой критике доминирующего неоклассического направления, указывая на игнорирование им роли институтов, а также акцентируя упущенные возможности их измерения и моделирования.

Однако ближе к концу XX в. эта критическая линия постепенно размывалась в ходе уверенной *мейнстримизации институциональной экономики*, т.е. превращения ее во все более популярное и респектабельное научное направление. Как следствие, NIE вплотную сблизились с неоклассикой – в поведенческих предпосылках, рекомендациях для экономической политики, отношении к формальным моделям и т.д. Логическим итогом стало включение неоклассики в каноническую модель предмета институциональной экономики (Williamson, 2000, p. 597), где неоклассическому анализу был отведен уровень распределения ресурсов, ценообразования, динамики купли-продажи и согласования стимулов, т.е. фактически уровень функционирования (а не развития) рыночных институтов, что позволяет пользоваться равновесными и теоретико-игровыми методами. С целью облегчения восприятия методология институционального анализа все более упрощалась и преподносилась в законченном виде, свободном от противоречий и дискуссионных вопросов. Четыре Нобелевских премии (Р. Коуз, Д. Норт, О. Уильямсон, Э. Остром) укрепили статус нового институционализма как мягкой альтернативы неоклассической экономике (или даже ее дополнения) и способствовали

проникновению его подходов в самые разные социальные науки³.

При этом нельзя не заметить *внутренний кризис*, в который все глубже погружается институциональная экономика. Все прорывные идеи появились давно: достаточно вспомнить годы выхода главных книг лидеров NIE – Норта (North, 1990, 2005), Острома (Ostrom, 1990, 2005), Коуза (Coase, 1988), Уильямсона (Williamson, 1985b). Все четверо умерли в последнее десятилетие, равных им по масштабу фигур нет. Конечно, нельзя утверждать, что вообще прекратилось формирование новых теоретических идей. Нет, их продолжают выдвигать, они нередко вызывают дискуссии, но это обычно узкоспецифичные идеи, которые к тому же обсуждаются в глубоко структурированном научном сообществе, где все остается (по большому счету) при своем мнении. Институциональные экономисты сейчас в основном заняты «нормальной наукой» (по Т. Куну): они выдвигают и проверяют частные гипотезы в рамках частных теорий, работая в сложившейся и не подвергающейся серьезному сомнению парадигме⁴. Параллельно NIE развивается оригинальная институциональная экономика (original institutional economics, OIE), продолжающая научные традиции раннего (старого) институционализма; ее рупором является «Journal of Economic Issues». Но влияние OIE более ограниченное, чем NIE. При этом исследовательские сообщества NIE и OIE разобщены: прямого конфликта между ними нет, поскольку они просто игнорируют аргументацию друг друга. Очевидно, это плохое равновесие, и эволюционный выход из него может затянуться.

На мой взгляд, перспектива развития институциональной экономики неизбеж-

но связана с построением новой методологической системы координат за пределами существующей парадигмы. Такую систему координат, размечающую пространство перспективных исследований институтов, можно назвать *постинституционализмом*. Постинституционализм возник в начале 2000-х гг. в исследованиях коллективного использования ресурсов (commons studies), он связан с научной школой Ф. Кливер (см. первое описание его методологии в (Cleaver, Franks, 2005)). Основой постинституционализма школы Кливер стала теория *институционального бриколажа*, которая развивала идею крафтинга институтов Э. Острома (Ostrom, 1992) и в целом опиралась на остромианскую научную традицию, внося в нее некоторые коррективы. Постепенно Кливер отказалась от дальнейшего развития широкой программы постинституционализма в пользу более узкой программы исследований, которая получила название «критический институционализм» и была сфокусирована на сфере управления природными ресурсами (Cleaver, 2012).

Но формирование *широкой программы постинституциональных исследований* все же необходимо продолжать. Мои предложения изложены в ряде работ (Фролов, 2020a, 2020b; Frolov, 2021), однако выработка постинституциональной повестки дня и методологической рамки – не авторский проект, а большая задача для сообщества институциональных экономистов. Общность тех методологических подходов, которые я отношу к постинституционализму, связана с их выраженным акцентом на институциональной сложности, органичной междисциплинарностью, отказом от упрощающих редукционистских трактовок в стиле NIE, а также недоверием к свойственному OIE холизму. Постепенное «стягивание» в постинституциональную парадигму новых альтернативных подходов изучения институтов из различных дисциплинарных областей – оптимистичный сценарий развития институциональных исследований в XXI в. Это сценарий не отказа от NIE и OIE или их «дружественного» погло-

³ О. Харт и Б. Хольмстром получили Нобелевскую премию за теорию контрактов, но они позиционируются как представители организационной экономики, а не NIE.

⁴ Это подтверждает недавно опубликованная повестка дня для NIE (Ménard, Shirley, 2018), почти полностью состоящая из уточняющих и сугубо эмпирических направлений исследований.

щения, а прокладывание третьего пути с множеством отходящих дорог, троп и маршрутов. Постинституционализм может стать междисциплинарным сложностно-центричным направлением институциональной экономики с эклектичной исследовательской программой, плюралистичной методологией и непрерывающимися дискуссиями по широкому кругу вопросов. Далее излагается авторское видение наиболее значимых направлений исследований в области постинституциональной экономической теории.

1. ПОСТИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ РАСШИРЯЮЩИЙСЯ

Во времена зарождения институционализма его ведущие теоретики активно внедряли передовые теоретические инновации своего времени – дарвиновскую теорию эволюции, методы юридической науки, социологии, психологии. Например, Митчелл использовал популярную в то время теорию инстинктов У. Мак-Дугалла (см. в (Rutherford, 1987, p. 63–73)). Европейские институционалисты опирались на дюркгеймовскую теорию институтов и идеи немецкой исторической школы, несмотря на критику последней Вебленом (Nau, Steiner, 2002, p. 1005–1024). NIE изначально также активно воспринимала методы других дисциплин – юриспруденции (особенно из области контрактного права (см. в (Williamson, 1985a, p. 191)) и когнитивной психологии. Так, моделью человека для NIE стал ограниченно рациональный *Homo psychologicus* (см. (Williamson, 1993, p. 97–107)).

Но впоследствии методы NIE в основном экспортировались в готовом виде. Методология NIE проникла во многие дисциплины – от политологии до антропологии. Эти подходы серьезно повлияли: например, в социологии они вызвали сдвиг парадигмы, ознаменовавший окончательное расставание с наследием холистической социологии в духе Э. Дюрк-

гейма и Т. Парсонса (Brinton, Nee, 2001). Однако, несмотря на заверения в том, что NIE открыта для импорта любых новых разработок (Brousseau, Glachant, 2008, p. xi, xxxix–lvii), все же реальный импорт теоретических идей за последние 30 лет был крайне слабым, оставаясь на уровне точечных вкраплений⁵. В этом смысле ОИЕ в силу своей традиции более нацелена на междисциплинарный подход. И все же, несмотря на то, что представители ОИЕ включают социальные, политические и правовые факторы в свои интерпретационные модели, новые методологии различных общественных наук привлекаются достаточно редко⁶.

Исследовательская программа постинституционализма должна объединить передовые подходы из разных дисциплин, ориентированные на изучение институциональной сложности экономики и общества. Далее приведем пять приоритетных направлений, которые, на наш взгляд, могут стать векторами продуктивного междисциплинарного расширения институциональных исследований.

1. *Изучение внутренней сложности институциональных структур/систем с точки зрения противоречивости управляющих ими логик*. Большинство сложных институтов сочетают несколько *институциональных логик*, под которыми понимаются комплексы фундаментальных ценностей, представлений и принципов, конституирующие идентичность институтов⁷. Исследования гибридности институтов набирают ход и на микро-, и на макроуровне (Ménard, 2021); сама же

⁵ Исключением можно считать теорию игр, хотя это, скорее, часть неоклассической экономики, а также междисциплинарный подход Блумингтонской школы Э. Остром, который локализован преимущественно в области анализа общей собственности.

⁶ Большую работу в этом направлении ведет редколлегия ведущего в мире издания по институциональной экономике «Journal of Institutional Economics», которая позиционирует журнал как междисциплинарный форум исследователей институтов.

⁷ Это авторское определение, обзор подходов см. в (Thornton et al., 2015, pp. 1–22).

идея гибридности состоит в гомогенизации разнородных частей. Напротив, постинституционализму следовало бы сфокусироваться на несводимости и гетерогенности институциональных логик, на основе которой возникают полилогичные системы – институциональные ассамбляжи (см. подробнее в (Фролов, 2020b; Frolov, 2021)). В ассамбляжах конкурирующие логики могут рекомбинироваться, взаимодействовать, сближаться, но они никогда не объединятся в единое целое. В этом залог адаптивной эффективности и устойчивости ассамбляжей, в этом и их уязвимости – фрагментарность, дублирование, конфликтогенность. Основой анализа институциональных ассамбляжей могут стать теория институциональных логик, конститутивный институциональный анализ, общая теория ассамбляжей.

2. *Изучение институциональных изменений в аспекте обычных акторов и их повседневной бриколажной деятельности.* Постинституционализм в анализе институциональных изменений мог бы сдвинуть внимание с организаций на сообщества, с институциональных предпринимателей – на *институциональных рабочих* (рядовых акторов, практикующих институты), с целенаправленного проектирования институтов – на *институциональный бриколаж*, т.е. рекомбинаторное воспроизводство институтов (или их пересборку) массой акторов из разнородных элементов (из институтов прошлого, смежных сфер, лучших практик и др.) без четких критериев эффективности. Институты – не (готовые, завершенные, сложившиеся) структуры, а флюидные комбинации, непрерывно пересобираемые в ходе повседневной деятельности сообщества, связанных с ними акторов. Основой исследований институционального бриколажа могут стать теория институциональной работы, теория обитаемых институтов, теория перформативности, идеи современной интеракционистской социологии⁸.

⁸ Интеракционистская социология (interactionist sociology) – широкое направление социологических исследований, рассматривающее социальные

3. *Изучение коммуникационного и дискурсивного конструирования институтов*, в том числе влияния когнитивных норм и правил на институциональную эволюцию и поведение акторов. В этой области следует опираться на дискурсивный, риторический, коммуникативный институционализмы, а также внимательно следить за постнортовской программой исследований когнитивных экономических институтов⁹ (Petracca, Gallagher, 2020).

4. *Развитие методов качественного анализа институтов.* Методологический плюрализм лежит в основе постинституционального подхода. Все еще слабое развитие качественных методов требует приоритетного внимания к их разработке. Пока что основное внимание уделяется сравнительному анализу кейсов и отслеживанию процессов (process tracing – см.: (Skarbek, 2020)). Новые методы антропологии, этнографии, культурологии, исследований науки и техники (science and technology studies, STS), исследований политики (policy studies), международных отношений и экономической географии также могут серьезно углубить наше понимание сложности экономических институтов.

5. *Адаптация идей расширенного эволюционного синтеза к изучению институциональной эволюции.* Традиционный неodarвинизм с его триадой «наследственность–изменчивость–отбор» лежит в основе представлений институциональной и эволюционной экономики об эволюции институтов. Но этот подход сейчас отвергается, а ему

явления (институты, модели поведения и др.) как продукты социальных взаимодействий (interactions) индивидов в определенных условиях. При этом индивидам и субъективным факторам придается ключевая роль в объяснении социальных изменений.

⁹ Когнитивные экономические институты – социально конструируемые нормы и правила мышления (интерпретации фактов, вынесения суждений, принятия решений и др.), своего рода институциональные «линзы», через которые люди воспринимают окружающий мир.

на смену приходит расширенный эволюционный синтез, в основе которого лежат идеи эволюционной биологии развития (сокращенно – *эво-дево*, от evolutionary development biology; см.: (Laland et al., 2015)). Эти идеи крайне перспективны для постинституционализма (см. подробнее: (Фролов, 2019, 2020с)). Например, одна из основ эво-дево – теория конструирования ниши. Ее суть состоит в том, что живые организмы не только адаптируются к среде (как это следует из теории естественного отбора), но и преобразуют среду, конструируя в ней свою экологическую нишу, т.е. относительно подконтрольную и изменяемую часть среды. Применительно к институциональной эволюции речь идет о дополнении анализа адаптации институтов к среде изучением конструирования их акторами своих ниш в этой среде – ниш, в которых они могут не просто играть по уже имеющимся «правилам игры»,

а вводить и распространять новые правила, социальные практики и нормы, организационные формы, общие представления и убеждения и т.д.

Специфические черты постинституционального подхода в сопоставлении с NIE приведены в табл. 1.

Новые фокусировки не означают, что постинституционализм отказывается от продолжения тех направлений изучения институтов, которые сложились в NIE и OIE. Поэтому Дж. Ходжсон предлагает вместо постинституционализма использовать термин «*расширенный институциональный подход*»¹⁰, подчеркивая тем самым преемственность с уже сложившимися школами институциональных исследований. И все же отметим отличитель-

¹⁰ В ходе обсуждения моей статьи в «Journal of Institutional Economics» (Frolov, 2021).

Таблица 1
Фокусировки постинституциональной теории

Критерии сравнения	Мейнстримный институционализм	Постинституционализм
Восприятие институтов	Институты с четкими границами и функциями, достаточно стабильные и укорененные в социальной среде	Институты с аморфными функциями и границами, находящиеся в процессе постоянных пересборок*
Ключевые акторы	Организации	Сообщества
Основной формат институциональных изменений	Проектирование (дизайн) институтов	Институциональный бриколаж – рекомбинаторное воспроизводство (пересборка) институтов сообществом акторов из неоднородных элементов без четких критериев эффективности
Субъекты институциональных изменений	Институциональные предприниматели (элиты, мощные группы интересов)	Институциональные рабочие (обычные акторы в их повседневной деятельности)
Институциональные системы	Гомогенные, объединяющие комплементарные институты или гибридные, представляющие собой синтез альтернативных институтов	Институциональные ассамбляжи – полилогичные гетерогенные системы, объединяющие институты с несводимыми логиками
Главная функция институтов	Минимизация транзакционных издержек	Создание транзакционной ценности
Понимание институциональной эволюции	Адаптация института к среде, зависимость от прошлого (path dependence)	Конструирование ниши института в среде его акторами, создание новых траекторий развития (path creation)
Роль коммуникаций	Коммуникации не имеют значения	Институты развиваются в интерактивном коммуникационном поле и являются объектами дискурсивного конструирования

* Термин восходит к работе Б. Латура. «Пересборка социального» (М.: ВШЭ, 2014); англ. – reassembling.

ную черту научной программы постинституционализма – нацеленность на изучение институциональной сложности, что предполагает отказ от редукционистских методологических решений, свойственных и NIE, и OIE.

2. ПОСТИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ ЭКСПЕРИМЕНТИРУЮЩИЙ

Кризис среднего возраста современной институциональной экономики выражается в том, что в ее зрелом исследовательском поле стало слишком много канонического и не подлежащего сомнению. Постинституционализм должен стать площадкой для экспериментирования, направленного на пересмотр сложившихся догм и выработку альтернативных точек зрения. Существует, как минимум, три больших методологических эксперимента, которые стоило бы начать в самое ближайшее время.

Пересмотр модели человека. Поведенческие предпосылки, из которых исходят в своем анализе институциональные экономисты, можно представить в виде двух моделей. В основе NIE лежит модель контрактного человека (contractual man – см.: (Williamson, 1985b, p. 43–50)), согласно которой люди – ограниченно рациональные оппортунисты. В свою очередь, OIE неявно базируется на модели homo sociologicus. В постинституционализме могла бы появиться альтернативная модель человека, базирующаяся на современных достижениях нейронауки, с одной стороны, и на перформативной теории институтов, с другой. На мой взгляд, человек – нейродетерминированный альтруист, генетически предрасположенный к просоциальному поведению и высокозависимый от социального контекста принятия решений. Мышление и принятие решений происходят не в «чистом виде», а всегда в рамках выбираемых людьми когнитивных норм (см.: (Greif, Moky, 2017)). Во взаимодействии индивидуальных и средовых факторов происходит *переключение*

режима рациональности – выбор когнитивной нормы, на основе которой совершается конкретный выбор. Постинституционалисты могли бы *отказаться от фиксированного представления о рациональности* и от попыток поиска унифицированной модели человека. Модели человека в неоклассической теории, NIE, поведенческой экономике, экономической социологии и других общественных науках должны рассматриваться в качестве альтернативных когнитивных норм, которые люди выбирают в тех или иных ситуациях. При этом люди не просто привлекают институты как внешние когнитивные ресурсы (Petracca, Gallagher, 2020), а ежедневно обсуждают и практикуют их, создавая вокруг них насыщенное коммуникационное поле и внося инкрементные изменения. Это не (относительно) пассивный процесс формирования индивидуальных ментальных паттернов, которые постепенно агрегируются в коллективные ментальные модели. Это активный распределенный процесс коммуникационного и социального конструирования институтов, в том числе когнитивных норм.

Переход к изучению транзакционной ценности. Идея Уильямсона об организации транзакций с наименьшими транзакционными издержками красной линией проходит через все его работы и через работы его многочисленных последователей. Конечно, эта фундаментальная идея не означает утверждения возможности достижения нулевых транзакционных издержек. И все же NIE четко связывает качество институтов с критерием минимизации транзакционных издержек. Перспективы теории транзакционных издержек сводятся лишь к расширению объектов анализа (к ним добавляются платформы, экосистемы, искусственный интеллект и т.д.; см. подробнее: (Cuypers et al., 2021)), сама методология давно уже не меняется. Постинституционализм предлагает смену фокусировки и выдвижение в центр транзакционного анализа не сокращение транзакционных издержек (в том числе с учетом возникающих выгод «по остаточному принципу»), а созда-

ние и увеличение *транзакционной ценности* (в том числе за счет снижения транзакционных издержек). Логика такова: институты серьезно влияют на качество упорядочиваемых (координируемых) ими транзакций, поэтому дискретные институциональные альтернативы должны сравниваться с учетом прежде всего создаваемой ими транзакционной ценности, которая и формирует качество транзакций. Одни и те же транзакции при разных институтах становятся качественно различными: институты могут как добавлять ценность в ходе транзакций, так и сокращать ее. Задачей высшего приоритета должна стать операционализации транзакционно-ценностного подхода (см. подробнее: (Фролов, 2020a)).

Переход к релятивистской теории институционального развития. Постинституционалисты могли бы перестать теоретизировать экономическое развитие в терминах плохих и хороших институтов. Идея эталонных институтов (не важно, понимаются ли под ними инклюзивные институты, порядки открытого доступа или что-то иное) также должна уйти в прошлое, по крайней мере в ее радикальных версиях. Опорой при этом могли бы послужить теория постразвития (post-development theory) и постколониальная теория, отвергающие универсализацию западных представлений о развитии и соответствующих им институтах. Безусловно, речь идет не об экстравагантных вариантах релятивизма, но даже использование расширенного набора критериев эффективности и качества институтов позволит уйти от излишне однозначных оценок и поверхностных западно-центричных выводов.

3. ПОСТИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ ФИЛОСОФСВУЮЩИЙ

Исходный (старый) институционализм базировался на идеях ведущей философской школы США, прагматизма, представленного

работами Ч. Пирса, У. Джеймса и Дж. Дьюи (последний свою версию прагматизма называл инструментализмом). Единства во взглядах не было: Коммонс был приверженцем Пирса; Веблен опирался на Джеймса (и именно у него взял мысль о центральной роли привычек в человеческой деятельности); К. Эйрс вел переписку с Дьюи по поводу сущности социальных институтов; Митчелл вообще был одним из основоположников позитивизма (от которого, правда, впоследствии институционалисты кардинально дистанцировались); а проповедовавший им эмпиризм даже заблокировал развитие теории институтов. Все ведущие институционалисты до NIE опирались на философию.

Но если задать современным институционалистам вопрос «Кто ваши философы?», вряд ли они даже сделают попытку на него ответить. В это трудно поверить, но и OIE, и NIE давно уже обходятся без философской базы. В случае OIE можно указать на имплицитное использование прагматизма, хотя его эвристический потенциал явно (и давно уже) исчерпался. В NIE же философии просто нет, отсюда и многочисленные теоретические дефекты – редукционизмы, дихотомии, механистичные концепции и т.д. Конечно, философия не нужна, если нет задачи глубокого понимания институциональной реальности, которая подменяется тестированием частных гипотез на основе количественных методов. И все же отказ от философских оснований обедняет анализ институтов, упрощает и искажает создаваемую научную картину. Мы ставим точки там, где продолжаются процессы¹¹, мы проводим границы там, где их нет, мы оперируем радикальными упрощениями, забывая о лежащих в их основе радикальных же до-

¹¹ Показателен пример Гражданской войны в США: отложенные эффекты этого сложнейшего институционального события (точнее, многовекового процесса) мы наблюдаем сейчас, в политической поляризации американского общества. Оказалось, что точка в той войне еще не поставлена и граница ее эффектов продолжает смещаться.

пущениях. Так, в работах институциональных экономистов сплошь и рядом говорится о выборе между дискретными структурными альтернативами, но очень редко упоминаются слабые стороны этого подхода: его статичность, недостоверные поведенческие предпосылки, панглоссианизм. Приводятся прогнозы с четкими переходами от одной «чистой» институциональной модели к другой¹², а институциональные гибриды рассматриваются как гомогенизированные «смеси». Эти и многие другие примеры – следствия отсутствия философии в основе институционального анализа. Институционалисты должны *целенаправленно усложнить свои представления об институциональном мире*. Акцент на каче-

¹² См., например, прогноз развития институтов блокчейн-экономики, предложенный новыми институционалистами (Davidson et al., 2018), и мою критику (Frolov, 2021).

ственном понимании институтов не означает отказа от их моделирования и прогнозирования. И все же понимание институтов и институциональных изменений следует считать задачей высшего приоритета: «Нам не удастся построить пригодной модели экономических изменений, если мы не будем понимать их процесса» (Норт, 2010, с. 10). Только адекватное понимание внутренней сложности современных институтов может лечь в основу действительно эффективных моделей.

Философские основания постинституционализма заложены междисциплинарным семейством теорий, относящихся к социальной философии и к философии в целом. Многие из них нередко называют постмодернистскими, что не всегда корректно. В большей степени их объединяет выход за рамки как аналитической, так и континентальной философской традиции (хотя от последней большинство из них берет начало), т.е. в ши-

Таблица 2

Идейные корни постинституционализма

Источники идей (авторы)	Задаваемые акценты изучения институтов
Постструктурализм (Ж. Делез, Ф. Гваттари и др.)	<i>Нестабильность</i> , пластичность, флюидность, нечеткость, бесформенность, нефиксируемость институтов. <i>Напряженность</i> (вместо синтеза и снятия противоречий в институциональных системах – симбиоз противоречий, синтезирование без синтеза, негативная диалектика)
Акторно-сетевая теория (Б. Латур, Дж. Ло и др.)	<i>Гетерогенность</i> (акцент на координации качественно разнородных институтов в сложных институциональных системах). <i>Антидисциплинарность</i> (против описания гетерогенных институтов разными языками в узких дисциплинарных полях). <i>Сетевая трансформативная мультикаузальность</i> (вместо логики причин-следствий – логика паутины причин, меняющихся в ходе своей трансформации в следствия)
Объектно-ориентированные онтологии (Г. Харман, М. Деланда, Т. Мортон и др.)	<i>Антиредукционизм</i> , включая антихолизм как частный случай (акцент на онтологической избыточности – институциональные системы больше своих частей, но меньше создаваемых ими эмерджентных эффектов, в том числе ненаблюдаемых, скрытых, непроявленных и др.). <i>Плоская онтология</i> (против детерминизмов и фетишизаций всех видов, включая теории эталонных институтов)
Социальный конструкционизм (Дж. Серл, М. Грановеттер, К. Хей и др.) и перформативная теория (Дж. Батлер и др.)	<i>Отказ от противопоставления методологий холизма и индивидуализма</i> (институты как коммуникационные и социальные конструкции, изменяемые в ходе их повседневного практикования и обсуждения)
Философия процесса (А. Уайтхед, Дж. Лакофф, Дж. Дюпре и др.)	<i>Институты как сложные процессные системы</i> , открытые комбинации разнородных и разнонаправленных процессов

роком смысле за рамки современного философского мейнстрима. Конечно, не существует философских течений и теорий, которые можно было бы полностью адаптировать для институциональной экономики. Речь идет об отдельных концептах, подходах и аналитических ориентациях, которые в совокупности задают философскую рамку постинституциональных исследований институтов (табл. 2).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные институты – институты позднего капитализма – содержательно гораздо сложнее тех институтов, для изучения которых создавалась NIE на рубеже 1970–1980-х гг. И их усложнение продолжается ускоренными темпами. Поэтому анализ экономических институтов нашего времени целесообразно проводить с помощью сложно-центричных методологических подходов. Такие подходы исключают ложные методологические выборы, например, между холизмом и индивидуализмом или между количественными и качественными методами. Такие подходы исключают четкие, но содержательно узкие концепции типа институтов как (только) «правил игры» или минимизации транзакционных издержек как главной (и единственной) функции институтов. Наконец такие подходы междисциплинарны, экспериментальны и базируются на передовых философских взглядах. Постинституциональная экономическая теория нацелена на создание семейства сложно-ориентированных подходов, конструктивно расширяющих методологии NIE и OIE. Главное, что повестка дня и методологическая рамка постинституционализма принципиально открыты и плюралистичны, давая большой простор нестандартным институциональным идеям.

Список литературы / References

- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ. [North D. (2010). Understanding the process of economic change. Moscow, NRU “Higher School of Economics”, (in Russian).]
- Фролов Д.П. (2020a). От транзакционных издержек – к транзакционной ценности: преодолевая фрикционную парадигму // Вопросы экономики. № 8. С. 51–81. [Frolov D.P. (2020a). From transaction costs to transaction value: overcoming the frictional paradigm. *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 51–81 (in Russian).]
- Фролов Д.П. (2020b). Постинституционализм: за пределами институционального мейнстрима. Вопросы экономики. № 5. С. 107–140. [Frolov D.P. (2020b). Post-institutionalism: beyond the institutional mainstream. *Voprosy Ekonomiki*, no. 5, pp. 107–140 (in Russian).]
- Фролов Д.П. (2019). Эво-дево: парадигмальный вызов для институционально-эволюционного анализа // Экономическая наука современной России. № 2. С. 35–52. [Frolov D.P. (2019). Evo-Devo: a paradigmatic challenge for institutional-evolutionary analysis. *Economic science of modern Russia*, no. 2, pp. 35–52 (in Russian).]
- Фролов Д.П. (2020c). Эволюционная экономика на пике и в кризисе: перспектива новой парадигмы // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 12. № 1. С. 19–37. [Frolov D.P. (2020c). Evolutionary economics at the peak and in crisis: prospects for the new paradigm. *Journal of Institutional Studies*, vol. 12, no. 1, pp. 19–37 (in Russian).]
- Brinton M.C., Nee V. (2001). (eds). The New Institutionalism in Sociology. Stanford: Stanford University Press.
- Brousseau E., Glachant J.-M. (2008). A Road Map for the Guidebook. Brousseau E., Glachant J.-M. (eds). *New Institutional Economics: A Guidebook*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cleaver F. (2012). Development Through Bricolage: Rethinking Institutions for Natural Resource Management. London: Routledge.

- Coase R.H. (1988). The firm, the market, and the law. Chicago: University of Chicago Press.
- Cleaver F.D., Franks T.R. (2005). How institutions elude design: river basin management and sustainable livelihoods. Bradford: University of Bradford. BCID Research Paper, 12.
- Cuypers I., Hennart J.-F., Silverman B., Ertug G. (2021). Transaction Cost Theory: Past Progress, Current Challenges, and Suggestions for the Future. *Academy of Management Annals*, vol. 15, no. 1, pp. 111–150.
- Davidson S., De Filippi P., Potts J. (2018). Blockchains and the economic institutions of capitalism. *Journal of Institutional Economics*, vol. 14, no. 4, pp. 639–658.
- Frolov D. (2021). Blockchain and the institutional complexity: an extended institutional approach. *Journal of Institutional Economics*, vol. 17, no. 1, pp. 21–36.
- Greif A., Mokyr J. (2017). Cognitive rules, institutions, and economic growth: Douglass North and beyond. *Journal of Institutional Economics*, vol. 13, no. 1, pp. 25–52.
- Laland K.N., Uller T., Feldman M.W., Sterelny K., Muller G.B., Moczek A., Jablonka E., Odling-Smee J. (2015). The extended evolutionary synthesis: Its structure, assumptions and predictions. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, vol. 282, no. 1813, pp. 1–14.
- Ménard C. (2021). Hybrids: Where are we? *Journal of Institutional Economics* (forthcoming), pp. 1–16.
- Ménard C., Shirley M.M. (2018). (eds). A research agenda for new institutional economics. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Nau H.H., Steiner P. (2002). Schmoller, Durkheim, and Old European Institutional Economics. *Journal of Economic Issues*, vol. 36, no. 4.
- North D.C. (1990). Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D.C. (2005). Understanding the process of economic change. Princeton: Princeton University Press.
- Ostrom E. (1990). Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. New York: Cambridge University Press.
- Ostrom E. (1992). Crafting institutions for self-governing irrigation systems. California: Institute for Contemporary Studies.
- Ostrom E. (2005). Understanding Institutional Diversity. Princeton: Princeton University Press.
- Petracca E., Gallagher S. (2020). Economic cognitive institutions. *Journal of Institutional Economics*, vol. 16, no. 6, pp. 747–765.
- Rutherford M. 1987. Wesley Mitchell: Institutions and quantitative methods. *Eastern Economic Journal*, vol. 13, no. 1.
- Skarbek D. (2020). Qualitative research methods for institutional analysis. *Journal of Institutional Economics*, vol. 16, no. 4, pp. 409–422.
- Thornton P.H., Ocasio W., Lounsbury M. (2015). The institutional logics perspective. Scott R.A., Kosslyn S.M. (eds). *Emerging trends in the social and behavioral sciences: An interdisciplinary, searchable, and linkable resource*. New York: Wiley.
- Williamson O.E. (1985a). Reflections on the New Institutional Economics. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, vol. 141, no. 1, pp. 187–195.
- Williamson O.E. (1985b). The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets and Relational Contracting. New York: The Free Press.
- Williamson O.E. (1993). Opportunism and its critics. *Managerial and Decision Economics*, vol. 14, no. 2.
- Williamson O.E. (2000). The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead. *Journal of Economic Literature*, vol. 38, no. 3, pp. 595–613.

Рукопись поступила в редакцию 27.04.2021 г.

POST-INSTITUTIONALISM IN THE XXI CENTURY: EXPANDING, EXPERIMENTING, PHILOSOPHIZING

D.P. Frolov

DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-57-68

Daniil P. Frolov, Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia; ecodcv@mail.ru

Acknowledgments. The research was carried out at the expenses of grant from the Russian Foundation for Basic Research no. 21-18-00271.

Post-institutionalism is a promising direction in the study of institutions, developing the methodological ideas of critical institutionalism to build an extended institutional approach (in G. Hodgson's terminology). The mission of post-institutionalism is the development of interdisciplinary, complexity-centered methodologies for the analysis of institutions, allowing the development of institutional research beyond the framework of both new and original institutional theories. The article briefly outlines the logic of the creation and origins of the post-institutional theory, provides its methodological features, philosophical foundations, and guidelines for the research program. Post-institutionalists proceed from the fact that the methodological tools of both the new institutional economics and the traditional ("old") institutionalism are inadequate to the tasks of understanding and explaining the qualitatively complicated institutions of late capitalism. Such institutions are internally heterogeneous, highly fluid, combine different coordinating principles (logics), their functions and boundaries are difficult to identify. The focus of special attention in post-institutional economics is assemblages – institutional systems that combine heterogeneous institutions with irreducible logics. Institutional assemblages are highly adaptive but also functionally redundant and conflict-prone. Bricolage is considered as the main type of institutional change in post-institutionalism, which is understood as the recombinant creation of institutions by a multitude of actors from the elements available in the access to solve current institutional problems. Institutional change agents are not only institutional entrepreneurs, but also institutional "workers", i.e. ordinary actors in their daily routine. The main function of institutions from the point of view of post-institutionalism is not the minimization of transaction costs, but the creation of transaction value.

Keywords: institutions, institutional changes, actors, evolution, institutional complexity, interdisciplinarity, institutionalism, institutional bricolage, institutional assemblages, post-institutionalism.

Classification JEL: A12, B41, B52.

Manuscript received 27.04.2021

О ВЛИЯНИИ МЕТАМОДЕРНИЗМА НА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ¹

С.Л. Сазанова

DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-69-76

Статья посвящена анализу влияния философии метамодерна на институциональную экономическую теорию. Автор рассмотрела философию метамодерна как комплекс идей, формирующих «дух времени» – эпоху метамодернити, которая является внешней средой по отношению к институциональной экономической теории. Проанализировав ключевые характеристики модерна и постмодерна, автор доказала, что метамодернити – это не только синтез философских идей модерна и постмодерна, но и новое мировоззрение, охватывающее всю социально-экономическую реальность. Автор сформулировала особенности эпохи метамодернити в контексте экономика–общество–институты и установила, что под влиянием идей метамодернити произошли изменения в мотивации экономических агентов: от удовлетворения субъективных предпочтений к поиску новых эмоциональных реакций. Это, в свою очередь, обусловило изменения в коллективном (общественном) экономическом поведении: отказ от традиционных ценностей в пользу ценностей самовыражения, отказ от долгосрочных связей в пользу краткосрочных. По мнению автора, изменения в индивидуальном и коллективном

© Сазанова С.Л., 2021 г.

Сазанова Светлана Леонидовна, к.э.н., доцент; доцент кафедры институциональной экономики Государственного университета управления; доцент Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия; sazanova@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-010-00905.